

Жизнь. 1992. — МАРТ (№12). — С. 6

За кулисами МХАТа я встретился с Ее Величеством Вежливостью. Не знаю, каков он на улице или в семье, но здесь легким кивком головы, обаятельной улыбкой, милой фразой Смоктунковский рстачал комплименты и приветствия всем: от гардеробщицы и вахтера до известных публике коллег по сцене. В жестах его как будто не было актерства... Но, впрочем, кто определит момент игры у Великого Мастера...

— Иннокентий Михайлович, по опыту знаю, что откровение в беседе с людьми Вашего возраста появляется в основном как следствие каких-то воспоминаний. Так, может быть, вспомните что-нибудь из прожитого, например из детства...

— Палитра столь давних лет у меня очень разнообразна. В ней есть и светлые тона — берега реки Качи, игры на улицах с друзьями, радость узнавания мира, но существуют и темные, а скорее какие-то скучные и блеклые краски: жуткая подавленность школой, почти физическое ощущение несвободы. Я боялся своих учителей, их постоянного одергивания, требования каких-то ответов. Сейчас я понимаю, как сильно был закомплексован. Отчасти, наверное, это порождалось моей плохой успеваемостью. Меня даже из-за неудовлетворительного знания арифметики перевели из второго класса в первый. Но было, вероятно, какое-то ярмо времени, тяжесть атмосферы тех лет, о которых теперь так много сказано. Впрочем, и повзрослеть, избавиться от беспомощности мне пришлось довольно быстро.

Наше поколение было военным, большинство моих сверстников погибли на фронте. Я сам два года воевал.

— Полагаю, что, как большинство мыслящих граждан нашей рассыпавшейся страны, Вы пытаетесь понять, что же произошло, какая история осталась за спиной. Может, как в шахматах, расставить все фигуры по местам, разыграть новую партию, или, отталкиваясь от настоящего, искать иные пути!

— Я, наверное, скажу это не первый, но скажу именно, как осознавший сие сам, — мы потеряли Бога. Нас лишили его, и мы безропотно отреклись. Духовное уродство просочилось всюду. Простите, но оно и в вас, и во мне. Мы — следствие тех поколений, которых им «наградили». Вернуться к истокам, к Богу, понять, что религия — никакой не дурман, а прежде всего огромная самодисциплина, самоуважение, этические начала, — вот, кажется, ключ к спасению. Прочитав «Новый Завет», я абсолютно иначе взглянул на мир. Осознал, насколько увязли все в собственной серости, но в то же время, приобрел мудрость сказать, что и я сер. С другой стороны, подумалось, что если есть какое-то бессмертие, то оно в передаче своего духа следующему поколению, тому, что еще не впитало порочность нашей жизни. Что-то похожее на проповедь получается... Но мне действительно хочется, чтобы наши дети научились уважать себя, уважать женщину, чтобы они были талантливы.

Ведь посмотрите, что происходит с театрами, откуда посыпки разговоров о кризисе? В театр пришла масса бесталанного люда, катастрофическая нехватка духа, и со сцены пошло мертвечиной. Я понимаю, сейчас общество меняется, и, слава Богу, люди потянулись к церкви, к скрытым ранее книгам. Но пока еще процесс движется очень медленно, и его нужно подталкивать, продвигать. Иначе ничего не выйдет.

— Всегда говорилось: «Дети — наше будущее». А вот из уст одного популярного артиста я как-то услышал: «Дети — наше прошлое. Оглядываясь, в них мы вспоминаем себя, весь путь, который им

**ИННОКЕНТИЙ
СМОКТУНОВСКИЙ:**

Я ЖУТКО ИЗРАСХОДОВАЛ СЕБЯ...

предстоит, мы уже прошли». Как Вы относитесь к таким определениям!

— Нет-нет, я даже не хочу включаться в подобную полемику. За этим скрывается холодок сегодняшних конъюнктурных поветрий — опровержения всех определений прошлого, в какой-то мере такое высказывание даже цинично. Дети — наше будущее. Для меня это однозначно. И свой опыт, свою любовь я буду стремиться вкладывать в них неустанно.

— Иннокентий Михайлович, есть у Вас долго лелеемое и до сих пор еще не удовлетворенное желание!

— Бог мой, конечно. Я ежегодно мечтаю в тишине и спокойствии где-нибудь на море провести свой отпуск. Но... Нужны деньги, и я работаю, работаю, снимаюсь, выступаю. Надо кормить и содержать семью, а у нас этим занимаюсь почти исключительно я. Так-то вот...

Наш разговор прервался: Иннокентий Михайлович вспомнил о неотложных делах, которые его ждали. Встретиться нам удалось только через несколько месяцев, в течение которых Смоктунскому вручили «Нику» за лучшую мужскую роль в фильме «Дамский портной», у него произошел конфликт на американской таможене, под эгидой новообразованного общества «Меценат» прошел во МХАТе его творческий вечер. А затем была смерть Евгения Евстигнеева...

— В один из небольших зальчиков МХАТа, где правление театра собралось на просмотр подготовленного молодыми актерами спектакля «Бобок» по Достоевскому, он вошел немного грустный и усталый, но, сохраняя свой имидж неподражаемого обаяния, приветствуя всех собравшихся вместе и по одиночке. В антракте мы продолжили диалог, начатый много раньше.

— Иннокентий Михайлович, как Вы думаете, у ак-

тера должен существовать возрастной ценз или какой-то иной Рубикон, персядя который он может покинуть театр? Или служение сцене — это все-таки судьба, крест, то, от чего нельзя освободиться!

— Такой ценз не только должен быть, он есть. Не случайно у нас по достижении определенного возраста начинается такая же, как и везде, пенсия. Но дело даже не в этом. Актеру, дабы что-то являть собой, необходимо иметь громадные физические ресурсы, это помимо нервов, психологии, внутренних способностей, таланта. Но, к сожалению, с годами, новых сил прибывает все меньше, а старые уходят очень быстро. Ведь что такое в сущности старость? Уход сил.

— Однако так много пожилых актеров продолжают играть, работать в театре. Что это: ощущение своей неразрывности с местом, где столько прожито, чувство недостаточной реализованности или страх, боязнь забвения, одиночества, ненужности!

— Думаю, что второе. Да, боязнь уйти, потерять жизнеспособную форму, потерять контакт с движущимся миром. Наверное, так.

— Простите, тогда что же удерживает Вас?

— Наверное, то же. Я накопил печальный опыт жуткой израсходованности себя. В каждом спектакле, кинороли я стремился сыграть на максимум своих возможностей. Я постоянно хочу оправдывать фамилию Смоктуновский, от которой общественное мнение многого ждет. Поэтому каждый раз трачу, вычерпываю себя полностью и, безусловно, приходит усталость.

— Что хотелось бы Вам сыграть сейчас? Роль среднего состояния души, среднего состояния жизни — что-нибудь грустное, задумчивое?

— Нет-нет, что вы, только светлое, человеческое, может быть, даже комедию. Все наши

современные кинематографические извращения это же так грустно, так безнадежно.

— Получение приза кинематографистов за лучшую мужскую роль в «Дамском портном» явился для Вас наградой ожидаемой, планировавшейся или приятной неожиданностью?

— Понимаете, в чем дело, мы имели, пожалуй, только хороший драматургический материал и ничего более. Съемки проходили в брошенных домах, на неизвестной нам пленке (половину пришлось переснимать), работали по 4—5 смен в сутки. И, казалось, рассчитывать на какой-то успех или просто более-менее хороший фильм довольно сложно. И, думаю, если роль моя получила такую высокую премию, то это потому, что сделал я ее предельно серьезно. И еще: тема, наконец-то достойно прозвучавшая — об абсурдности убийств и войн на национальной почве, придала дополнительный эффект.

Ведь действительно же страшно от той легкости, с которой творятся ныне злодеяния. Кто дал право? Все мы подвластны Богу, и только он своей волей вправе вершить судьбы наши.

— Ну, а как восприняли Вы то, что основным вашим конкурентом оказался рок-музыкант Петр Мамонов, сыгравший главную роль в нашумевшем фильме «Такси-блюз»? И что испытывали бы Вы, опереди Вас он — не профессиональный актер?

— Я, к сожалению, не видел этого фильма и никогда ранее не знал Мамонова, более того, лишь от вас узнаю, что он — рок-музыкант. Поэтому мне, естественно, сложно судить. Хотя готов поверить, что сыгранная им роль достойная, раз оказалась выдвинутой на соискание приза. Рок-музыканты вообще молодцы, они настоящие грудяги. Представьте, сколько нужно энергии, физических сил, чтобы собирать и будоражить огромные стадионные аудитории. А что касается моего отношения к тому, что он мог выиграть, ну, расстроился, может быть, попереживал бы часа полтора-два и забыл. Я, кстати, об этом мог и не узнать, поскольку находился в этот момент в Америке.

— Кстати, а что произошло там на таможене? Помните, Вы мне рассказывали как-то о нагрянувшей ситуации с провозом Библии? Зачем же теперь Вы возли этот пистолет-пугач? Вас частенько задерживают таможенники!

— Да нет, это, по сути, впервые, и то — абсурд. Просто идиот-полицейский, который не разобрался в ситуации. Он даже не знал, что, прежде чем идти просвечиваться, я в пяти инстанциях показал этот игрушечный пистолет, который vez действительно затем, чтобы брать с собой по вечерам и, быть может, немного отпугивать людей, которые станут приставать.

— Ну и чем завершилось дело, и общались ли Вы еще с тем полицейским?

— Я не общался, но мне рассказывали, что он сам после говорил кому-то, что ошибся и в сущности никакого зла не имел, что лично ему все эти дразнилки к чему. Мне же мой адвокат сообщил: максимум, что придется сделать, — приехать в США и получить от этого таможенника личные извинения. Но мне лишь хочется просто остаться в покое.

**Михаил
МАРГОЛИС.**

Недавно в России организовано общество «Меценат». Одним из инициаторов его создания стал МХАТ имени Чехова. На вечере общества из цикла «В гостях у актера» и сделан снимок, запечатлевший Иннокентия Смоктуновского и Михаила Горбачева.

**Фото
Анны Бердичевской.**